

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МЕТОДА СБОРНИКА Н.В. ГОГОЛЯ
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031508
Бычковой Ирины Павловны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Половнева М. В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Художественные искания Н.В. Гоголя до 1830-х годов.....	9
Глава 2. Эволюция творчества Н.В. Гоголя как движение от романтизма к реализму	
2.1. Романтические тенденции в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».....	17
2.2. Реалистические элементы в сборнике Н.В. Гоголя.....	35
Заключение.....	45
Библиографический список.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Н.В. Гоголь получает литературное признание с выходом цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», происходит это в период, когда на литературной арене господствует идея самобытности народа, что заставляет обратиться к украинской и русской культуре и истории. Исследователь творчества Гоголя В. Гиппиус писал о том, что Украина, освещенная романтикой, представляла особый интерес в раннем творчестве Гоголя [Гиппиус 1994].

Публике понравились веселые повести об украинском народе, критики также положительно отзывались о новом таланте. Веселил читающих необычный слог, увлекательные истории и легенды, лежащие в основе повестей. Сам Гоголь тоже высоко ценил свой труд о жизни Малороссии, народных представлениях и суевериях.

Исследователи творчества писателя неоднократно обращались к рассмотрению сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». В основном их интересовали сюжеты произведений, особенности их структуры, связь с романтической традицией, фольклорные источники.

В первой половине XX века интерес ученых направлен на изучение художественной манеры Гоголя, уделяется внимание демонической теме, сюжетным особенностям произведений.

Так, Д.С. Мережковский обращает внимание на совмещение христианских и языческих обычаев, возвышенного и обыденного, мистических и реалистических тенденций в повестях. В связи с этим он говорит о раздвоении и двоимирии в мире Гоголя.

Исследователь творчества Н.В. Гоголя В.А. Розов выявил связь героев Гоголя с персонажами вертепа, которыми являлись бес, казак, простака, волевая баба, цыган. В.А. Розов подчеркивает у Гоголя высокую демонизацию вертепских героев, считает, что, опираясь на вертеп, можно

рассмотреть и рассказчиков в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». А Л.А. Софронова, рассматривающая образную систему «Вечеров на хуторе близ Диканьки», кроме действующих лиц, называет «зрителя Божественных тайн», который «скорее выступал повествователем, чем зрителем» [Софронова 1996: 64], замечает, что в отличие от вертепа гоголевский рассказчик не отличается от героев повестей, он сопричастен с ними. Рассказчик обращается к читателю, что также характерно для народного театра. Таким образом, зритель (читатель) попадает в произведение, становясь его участником.

Мнение ученых о связи гоголевских произведений с вертепом не беспочвенно, как известно, основой для сюжета вертепа были религиозные истории, гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» также содержат эти мотивы.

К.В. Мочульский обращает внимание на наличие в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» двух традиций, взятых из немецкой демонологии и украинского фольклора. Исследователь считает, что Гоголь сумел в рамках одного произведения талантливо соединить народнопоэтические мотивы со сказочными, при этом сохранив сюжет повести [Мочульский 1934].

Выявив уникальность первого сборника Н.В. Гоголя, В.В. Гиппиус определяет его главную тему, которая заключается во вторжении злых сил в судьбу человека. Исследователь связывает основные мотивы художественного мира произведений с мировоззрением писателя, его эстетической позицией.

А. Белый в текстах Гоголя пытался выявить и охарактеризовать единство формы и содержания: «показать, что единство формы и содержания произведений Гоголя не в стилевых приемах, не в механическом чертеже утилитарно продуманных форм из рассудочно выверенного содержания; нам хотелось бы показать формосодержательный процесс в печатях его: и на форме, и на содержании» [Белый 1996: 51].

Представители русской философской критики рассматривали «Вечера на хуторе близ Диканьки» в плане духовно-онтологическом.

В.В. Зеньковский уделял внимание религиозным, философским, эстетическим взглядам писателя. Исследователь открыл публике, что «за комическим эффектом скрыт у Гоголя трагизм жизни» [Зеньковский 1997: 161], увидел в творчестве юного Гоголя поучительный аспект. В.В. Зеньковский заметил в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и романтические тенденции, назвав используемый автором способ изображения действительности «эстетической» и «религиозной» романтикой, указывая однако, что при этом Гоголь старался быть верным действительности.

С.Л. Франк подробно рассмотрел ту веселость, которую исследователи творчества Гоголя видели в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», но которая, по мнению Франка, с включением мистики является не такой уж простой [Франк 1996].

Таким образом, философская критика увидела в творчестве раннего Гоголя обращение к вечному вопросу о бытии человека и отметила, что вопрос этот решается с опорой на религию и мистику, на особый взгляд писателя на жизнь, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь прямо выражает свое мировоззрение.

Г.А. Гуковский относит «Вечера на хуторе близ Диканьки» к романтическим произведениям, хотя не во всей целостности. Исследователь выделяет прием двоемирия как основу романтического произведения [Гуковский 1959].

Ю.В. Манн, подробно рассмотревший в своей монографии жизненный путь Гоголя, говорит о божественном и мистическом в произведениях писателя: «Божественное в концепции Гоголя – это естественное, это мир, развивающийся закономерно. Наоборот, демоническое – это сверхъестественное, мир, выходящий из колеи» [Манн 1996: 79].

Ю.М. Лотман связывает мистику Гоголя с его комизмом, который «неотделим от ужаса, он связан с миром дьявольской мороки» [Лотман 1992:

132]. Особое внимание исследователь уделяет поэтике писателя, он замечает, что Гоголь проникал «в глубинные пласты архаического сознания народа», благодаря чему его произведения «могут служить основой для реконструкции мифологических верований славян» [Лотман 1992: 132].

Работы по творчеству Гоголя 1980-1990 годов обширны и затрагивают разные аспекты художественного мира его произведений. В последнее время гоголевский текст рассматривается как совмещение различных культурных традиций.

Например, Е.И. Анненкова занялась проблемой соотношения языческого и христианского в творчестве Гоголя: «Противопоставляя христианство язычеству (а, может быть, точнее, соотнося их), Гоголь и этому новому учению, открывшему возможности нравственного суда, готов предъявить свои претензии художника» [Анненкова 1989: 83], отмечая критическое отношение Гоголя и к языческой, и к христианской системе.

О христианском контексте творчества Н.В. Гоголя писали В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. При этом И.А. Виноградов считает, что рассматривать ранние произведения писателя нужно с учетом последующего его творчества [Виноградов 2000].

Исследователей привлекает мифопоэтическая сторона творчества Гоголя. Так, В.Ш. Кривонос выявляет и анализирует мифологические и фольклорные элементы в творчестве писателя. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» исследователь выделяет важные для всего творчества Гоголя компоненты окраины, города, заколдованного места, испытания, сновидения [Кривонос 1993].

Таким образом, опираясь на исследования ученых разных лет, можем сделать вывод о том, что одни из них (А.И. Иваницкий, В.Ш. Кривонос, Г.А. Гуковский) относили «Вечера на хуторе близ Диканьки» к романтическим произведениям, другие (Ю.М. Лотман, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский) находили в гоголевских произведениях черты реализма. Проведенный обзор работ по изучению художественного мира «Вечеров на хуторе близ

Диканьки» свидетельствует о том, что творчество Н.В. Гоголя находится в поле зрения ученых, однако до сих пор существуют различные точки зрения о художественном методе гоголевского сборника, что обусловило как наш интерес к данной проблеме, так и **актуальность** предпринятого нами труда.

Объектом исследования в данной работе является сборник Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Предмет исследования – художественный метод, используемый автором в повестях сборника.

Цель исследования – рассмотреть специфику художественного метода в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Задачи исследования:

1) изучить подходы ученых к рассмотрению художественного мира «Вечеров на хуторе близ Диканьки»;

2) проанализировать сюжетно-композиционную и образную структуру входящих в сборник произведений;

3) выявить и охарактеризовать элементы романтического метода в сборнике Н.В. Гоголя;

4) выявить и описать реалистические тенденции в анализируемых произведениях;

Практическая значимость предпринятого нами труда заключается в том, что полученные в ходе работы результаты могут использоваться в качестве теоретического материала на занятиях по литературе, посвященных творчеству Н.В. Гоголя.

Теоретической базой исследования выступают работы Ю.М. Лотмана [Лотман 1970], К. Мочульского [Мочульский 1934], Г.Н. Пospelова [Пospelов 1953].

Исследование проводилось на основе сравнительного, структурного и типологического **методов** исследования и с учетом идейно-эстетической позиции писателя.

Апробацией работы является выступление с докладом «Романтические тенденции в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» на XI Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог 2019: проблемы истории и филологии».

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении определяется актуальность работы, обозначаются объект и предмет исследования, намечаются его цель и задачи.

В первой главе речь идет о начале литературной деятельности Н.В. Гоголя, рассматриваются идейно-эстетические искания писателя.

Вторая глава посвящена рассмотрению художественного мира произведений сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», предпринята попытка анализа романтических и реалистических элементов в художественной ткани сборника.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

ГЛАВА 1. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ ДО 1830-Х ГОДОВ

Будучи родом из села Великие Сорочинцы, писатель провел в деревенской среде детство и школьные годы, вырос в обстановке малороссийского быта, панского и крестьянского: «Край был овеян легендами, поверьями, историческими преданиями, будоражившими воображение» [Манн 1996: 593]. Этот быт, традиции, менталитет впоследствии Н.В. Гоголь перенес на страницы своих произведений.

Дальнейшее формирование эстетических взглядов писателя связано с обучением в гимназии города Нежин, где Гоголь оказался под влиянием немецкой литературы: «Немецкая поэзия далеко уносила меня тогда вдаль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности. И я гораздо презрительней глядел на все обыкновенное и повседневное» [Манн 2012: 114].

Формированию романтического уמוнастроения будущего автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» способствуют и лекции преподавателя нежинской гимназии Зингера, и публикации на страницах журнала «Московский вестник».

Полный радужных надежд, связанных со службой на благо Отечества, Гоголь по окончании гимназии отправляется в Петербург, но культурная столица России встречает его недоброжелательно. По этому поводу Н.А. Котляревский пишет, что «...взгляд на «службу» у нашего мечтателя несколько изменился, и если Гоголь все-таки продолжал искать этой службы для себя, то это надо объяснять уже не прежним романтическим увлечением «службой» как средством работать на благо людей, а менее сложными соображениями чисто материального свойства» [Котляревский 2015: 7]. Это же побудило Н.В. Гоголя попытать свое счастье на литературном поприще.

Существенное влияние на мировоззрение писателя оказали настроения в стране после 14 декабря 1825 года, когда общественно-политическая ситуация привела к усилению цензурного гнета. В такой сложной обстановке он берется за перо. Первые свои произведения публикует под псевдонимом, в них заметно влияние творчества таких романтиков, как В.А. Жуковский и А.С. Пушкин.

«Появляется поэма «Ганс Кюхельгартен», напечатанная отдельным изданием в 1829 году под псевдонимом В. Алов. После отрицательных отзывов в печати Гоголь забрал все экземпляры из книжных лавок и сжег» [Воропаев 2002: 130]. Создать идиллию ему не удалось. Однако В.И. Шенрок заметил, что, если внимательно разобрать «Ганса Кюхельгартена», в произведении можно найти запас художественных образов, которые в разной мере отразились в последующем творчестве Гоголя, в особенности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [Шенрок 2012].

Гоголь пытается выразить собственное мирозерцание на страницах произведений, но еще наблюдается в его творческой манере подражание великим писателям-предшественникам. От В.А. Жуковского он берет манеру меланхоличности, множество романтических ночных образов, так в гоголевском «Ганце Кюхельгартене» можно найти элементы из «Людмилы» В.А. Жуковского.

Кроме влияния сентиментализма и романтизма Жуковского в творческой манере Гоголя отражается и влияние пушкинской традиции. И здесь нельзя не согласиться с мнением Ю. Манна, который считал, что в «Ганце Кюхельгартене» очевидно влияние «голоса Пушкина» [Манн 2005: 205]. Примечательно, что через творчество Пушкина, который к этому времени уже стал «властителем дум», Гоголь принимает байронизм. Юный писатель копирует и ритмику произведений «солнца русской поэзии», и его образы и символы. Например, нельзя не заметить схожести описания гробницы из «Ганца Кюхельгартена» и гробницы Ленского из романа Пушкина «Евгений Онегин»:

«От Висмара когда кто держит путь,

Встречается налево от дороги

Ему кладбище...

Два ярова смиренные шумят...» [Гоголь 1952: 133]

«Есть место влево от селенья,

Где жил питомец вдохновенья,

Две сосны корнями срослись...» [Пушкин 2017: 125]

Уже в этом раннем произведении писателя Ю. Манн выделяет такой романтический прием, как двоемирие: «Печальный финал гоголевской идиллии проистекает из столкновения в ней двух миров – малого и большого» [Манн 2012: 176-177]. «У Гоголя малый мир включен в рамы большого». При этом малый мир показан скучным, обыденным, но Луиза даже в таком мире способна на высокие чувства, Ганс же, очарованный большим миром, пренебрегает ее чувствами. «Соотношение большого и малого миров у юного Гоголя негладкое, конфликтное» [Манн 2012: 177]. Исследователь считает, что впервые мир реальности и фантастики означен Гоголем в «Гансе Кюхельгартене». Ночные видения Луизы похожи на картину из «Страшной мести». Но у эпизодов этих есть существенное отличие: мертвецов в страшной мести видят все герои, это случается наяву, чего нельзя сказать о видениях Луизы, призраки тревожат ее во сне. Ю. Манн говорит о первых мистических образах в творчестве Гоголя и связи его ранних произведений с творчеством предшественников писателя, его идейных вдохновителей, о зачатках романтического видения и формах его выражения. В ранних произведениях зарождаются художественные образы и приемы, которые автор будет использовать на протяжении всего творчества. К ним, например, относятся совмещение в пределах одного текста серьезного и комического, прием двоемирия.

Насмешливые отзывы критиков, любовные переживания, неудачная попытка попасть на сцену в качестве актера – все это служит причиной расстройства писателя и поводом уехать за границу в 1829 году.

Вернувшись из Германии в столицу, Гоголь определяется на государственную службу, которая вызывает у него глубокое разочарование. Зато ситуации, происходившие с Гоголем на службе, ситуации, которые он наблюдал, являясь писцом, писатель перенес в свои произведения. Познав быт чиновников и всю суть государственной службы, Гоголь начинает уделять большое внимание литературе. У писателя появляется вера в особое, преимущественное попечение о нем Промысла Божия.

Душевное состояние Гоголя выражается в мрачном и страшном. Писатель говорил о том, что он переживал сильную тоску, причину которой сам понять не мог. Для того, чтобы избавиться от этого состояния, автор пытался развлечь себя, помогали ему смешные выдумки. Но границы «смешного» переступались, смех переходил в страх, смешное становилось мрачным. Характер Гоголя был меланхоличен, а его настроение печали еще сильнее сгущало краски. Отсюда и появилось в его произведениях изображение зла и смерти.

Внутреннее состояние писателя – нервное, психически неустойчивое, пессимистичное, депрессивное – вынуждает создать мир, подобный этому состоянию, персонажей с такими же переживаниями и судьбами.

Переезд в Петербург дал Гоголю первые успехи и неудачи и погрузил в литературную жизнь. Постоянно занятый делами, окруженный суетой города, он желает другой жизни.

«Гоголь завязывает обширные литературные знакомства: в 1830 с В.А. Жуковским, П.А. Плетнёвым и, возможно, с А.А. Дельвигом; 20 мая 1831 на вечере у Плетнёва он был представлен Пушкину. К лету 1831 его отношения с пушкинским кругом становятся довольно близкими: живя в Павловске, Гоголь часто бывает в Царском Селе у Пушкина и Жуковского; выполняет поручения по изданию «Повестей Белкина». Материальное положение Гоголя упрочивается благодаря педагогической работе: он дает частные уроки в домах П. И. Балабина, Н. М. Лонгинова, А. В. Васильчикова, а с

марта 1831 по ходатайству Плетнёва становится преподавателем истории в Патриотическом институте» [Манн 1996: 594].

Успех, популярность и признание получил Гоголь с дебютом «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Цикл повестей о жизни и быте Малороссии появляется в период, когда все увлечены идеей самобытности, поэтому Гоголь обращается к быту Украины, ее обычаям и обрядам, религии. Первая повесть, вышедшая из-под его пера, «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», вошла в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», но уже видоизмененной.

При написании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» не обошлось без использования книги с этнографическими, историческими записями, которые Гоголь собирал уже на протяжении нескольких лет. Этнографизм в произведениях того времени – случай не редкий, это увлечение было в духе времени. И «Вечера на хуторе близ Диканьки» вызвали почти всеобщее восхищение: они подхватили украинскую тему, столь популярную в 1-й трети XIX в, но подняли ее на принципиально иной уровень» [Манн 1989: 594].

По достоинству оценил повести А.С. Пушкин. «В письме к литератору Александру Воейкову от конца августа 1831 года он передает эпизод, рассказанный ему самим Гоголем: «Мне сказывали, что когда издатель зашел в типографию, где печатались «Вечера на хуторе близ Диканьки», то наборщики стали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу» [Цит. по: Воропаев 2002: 132].

Понравилось произведение и властям. Гоголь вторгся в русскую литературу с народной идеей, которая оставалась главной на всем протяжении его творчества. Идея народности была на первом месте в русской литературе того времени, и Гоголь со своими «Вечерами на хуторе близ Диканьки» занял видное место среди русских творцов своей эпохи.

Народность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» была особенной, она не представляла собой поверхностное простонародное повествование, отдельные народные образы, типы, отдельные ситуации и события. Здесь предстает идея народности цельно, во всей ее сути, при этом народность Гоголя социальна.

Гоголь хотел потрясти русскую публику рассказами о народных традициях, повериях, сказаниях, легендах, о духах и домовых. Вспоминая истории из детства и обращаясь за помощью к матери, которая в письмах писала ему об одежде, утвари, традициях малороссийской деревни, Гоголь создал неповторимые по содержанию «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которых народ чтит и хранит традиции и культуру.

«Преобладающая нота, которую услышали все при выходе «Вечеров на хуторе близ Диканьки», – веселость. Можно сказать, что книга, да, собственно, обе книги были восприняты под знаком веселости» [Манн 2012: 292]. Но сам Гоголь раскрывает секрет этой веселости: писались эти образы автором, чтобы поднять самому себе настроение, развеять тоску. Не случайно «в гоголевских письмах периода работы над «Вечерами на хуторе близ Диканьки» наблюдается одна постоянная черта – настойчивый призыв к спокойному, веселому расположению духа» [Манн 2012: 294]. В письмах к сестре и другим родственникам он советовал не думать о плохом, прогонять негативные мысли и больше веселиться.

По мнению В.А. Воропаева, раннее творчество Гоголя – это веселые рассказы, в которых выражен народный дух, также это и духовное поучение, в котором борются добро и зло, одерживает победу, как полагается, добро, а злые силы караются.

В 1832 году Гоголь выпускает вторую часть уже всеми любимившихся «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он приезжает в Москву, где знакомится со многими писателями. Дальше у Гоголя наступает своего рода кризис, после ошеломительного успеха цикла повестей ему тяжело приняться за новое полотно. Боясь промаха в выборе темы, сюжета, действующих лиц,

Гоголь находится в напряжении, в поиске дальнейшего пути. Он начинает писать «Владимира 3-й степени», но, боясь цензуры и жесткой критики, прекращает работу над своей первой комедией. После долгих раздумий Гоголь решает вернуться к народной теме, его интересует история Украины, история России и в целом история мира.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что литературная деятельность Гоголя началась в романтическом ключе. Большое влияние на него оказала немецкая романтическая литература со свойственной ей демонологией и мистикой и русские романтики, такие как В. Жуковский и А. Пушкин, стоявшие у истоков русского романтизма. Опираясь на творчество предшественников, при этом развивая свою собственную художественную манеру, Н.В. Гоголь создает сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором появляются отличительные черты художественного метода писателя, к ним относятся этнографический характер, историзм, обращение к фольклорным источникам, лиризм в описании природы и портретов героев.

Важной проблемой раннего творчества Гоголя, выраженной в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», является проблема народности, писатель старается показать «народ в конкретном бытии» [Ветловская 2011: 8], поэтому он использует описание обычаев, обрядов, быта. Гоголю удалось с высокой достоверностью, веселостью, национальным колоритом изобразить жизнь Малороссии, соединить историю и современность, не нарушив логики повествования. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» зарождается следующая особенность художественного метода Гоголя: «...он ориентируется в своем стремлении опереться на фольклор не только, а иной раз и не столько на отдельные образы фольклора, сколько на метод образной системы фольклора, то есть, в сущности, на тип сознания, выраженный в нем» [Гуковский 1959: 254].

Как отмечала И.Ф. Заманова, для «Вечеров на хуторе близ Диканьки» характерна циклизация малых форм, что становится отличительной чертой

творчества Н.В. Гоголя, продолжает эту структуру он в последующих произведениях [Заманова 2012: 2].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что из совокупности вышеперечисленных черт формируется художественный метод раннего Гоголя, в русле которого создаются «Вечера на хуторе близ Диканьки».

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ КАК ДВИЖЕНИЕ ОТ РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ

2.1. Романтические тенденции в сборнике Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»

«Вечера на хуторе близ Диканьки» воссоздают обстановку малороссийского быта, жизни народа, еще свободного от крепостного права. Гоголь соединяет в повестях несколько типов повествования, разных рассказчиков, находит баланс реализма и романтизма в каждой повести. Заметим, что романтизм виден уже в самом названии «Вечера». Он не назвал сборник другим временем суток, именно вечер – это граница между действительностью дня и мистикой ночи. И.Ф. Заманова отмечает, что форма «Вечеров» зародилась еще в мифологии, а романтики «оживили» ее. Название сборника отражает цепь «вечерних» произведений русских романтиков. «Вечерницы Гоголя ассоциировались с Малороссией, имели четкие «диканьковские» ориентиры и еще более локальное пространственное указание – хутор» [Заманова 2012: 3]. Вечера не просто на хуторе, а на хуторе близ Диканьки, не в самой деревне, а где-то за ее пределами.

Диканька является центром происходящего в произведении. Противопоставление Диканьки и Петербурга, выраженное в «Ночи перед Рождеством», показано не случайно. Все остальное пространство во время путешествия черта и Вакулы – тьма. То есть существуют только два центра, отправная точка – Диканька и точка прибытия – столица. Однако мир «Вечеров на хуторе близ Диканьки» не ограничивается одной Диканькой, он выходит далеко за ее пределы.

Ю.В. Манн считал, что место, вынесенное автором в название – Диканька – «не локализованное, не исторически аффективное» [Манн 2012: 40]. Диканька выступает как центр художественного пространства. Но Манн замечает, что это не совсем так: «Фактически Гоголь переместил этот центр за пределы Диканьки, в некий хутор, где живет пасечник, где рассказываются

одна история за другой и таким образом составляется будущая книга» [Манн 2012: 41]. Исследователь подмечает важность компонента, который использовал Гоголь в названии – «близ», действия сил происходят не в самой Диканьки, а близко к ней. И.Ф. Заманова обратила внимание на то, что «близ» служит показателем изолированности места проживания «издателя» Рудого Панька. Хутор для Гоголя является не только реальным географическим пространством, но и «важнейшей смысловой точкой художественного мира «Вечеров», через которую возможен выход в ирреальное художественное пространство повестей [Заманова 2012: 2]. Таким образом, автор строит свой художественный мир, со своим центром. Место и время, указанные в названии произведения, служат соединением романтического времени суток с пространством хутора, который располагается рядом с реальной Диканькой.

Н.А. Котляревский писал о том, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» находятся на границе двух литературных течений: старого романтизма и нового реализма, и принадлежат они, в большей мере, старому, чем открывали дорогу новому. По его мнению, романтика в цикле преобладает над реалистичностью. Проявляется она в обилии фантастики, описании природы, которая дается «как образец художественной, но никак не реальной пейзажной живописи» [Котляревский 2015: 8], в описании портретов, особенно женских. Исследователь Котляревский делает вывод о том, что «Вечера на хуторе близ Диканьки», имеющие много бытовых деталей, естественный язык героев, «были все-таки произведением, созданным, скорее, в старом стиле, сентиментально-романтическом, чем в стиле новом, который требовал тесной связи искусства и жизни» [Котляревский 2015: 16].

Рассматривая фантастический элемент в творчестве Гоголя, Котляревский пишет об истоках фантастики, заимствовании образов ведьм, леших, оборотней и другой нечисти из немецкого романтизма. Так,

например, ученый считает, что из повестей Тика Гоголь взял завязку для «Вечера накануне Ивана Купала».

Народ, изображенный в произведении, верил в существование потусторонних сил, поэтому фантастические события и мистические фигуры легко вливаются в гоголевский сюжет. Котляревский подмечает и то, что Гоголь с детства был суеверным, верил в существование ведьм, черта, «...старые народные мрачные духи, под влиянием религии, отождествились тогда в его понимании с принципом зла и, конечно, о комическом их вторжении в жизнь человека не могло быть и речи» [Котляревский 2015: 27]. Суеверие, все годы бывшее у Гоголя, и страх перед злом «нашли себе выражение в таких повестях, как «Вечер накануне Ивана Купала» и «Страшная месть», а невинная мечта о благосклонном вмешательстве этих сил в жизнь человека отразилась в «Майской ночи» и в особенности в «Ночи перед Рождеством» [Котляревский 2015: 18].

Творчество Гоголя 1830-х годов, времени создания и публикации цикла, исследовал В.В. Гиппиус. Анализируя творчество писателя, он обращается к украинскому народному фольклору, истории, культуре, театру и к романтической литературе, и приходит к выводу о сближении творческой манеры автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с романтическими традициями [Гиппиус 1994].

А.И. Иваницкий посвятил свою работу перерождению фольклорно-мифологической поэтики Гоголя. Опираясь на труды Ю.М. Лотмана, исследователь заявил о том, что писателем «фактически воспроизведена вся система древнеславянских противопоставлений и даже символов, в которых они раскрываются» [Иваницкий 2000: 8]. Эта архаика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» служит выражением романтической поэтики.

Романтическими являются и фольклорные элементы, которые появляются в каждой повести, где-то в большей степени, где-то в меньшей.

Художественный мир «Вечеров на хуторе близ Диканьки» состоит из мотивов разных жанров украинского фольклора, объединяющим все повести

цикла является образ единого народа, поющего и пляшущего. Можно выделить несколько разновидностей элементов устного народного творчества в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: песенное творчество, пословицы и поговорки, легенды и сказочные элементы. Страсть Гоголя к народным преданиям появилась еще в детские годы, он записывал стихи, песни, которыегодились ему для создания в произведениях необходимого колорита.

Старинные песни появляются в произведениях, в которых затронута историческая тематика. Например, песенный элемент в «Страшной мести»: «Приедем же домой – мать накормит кашею, положит тебя спать в люльку, запоем: Люли, люли, люли! Люли, сынку, люли! Да вырастай, вырастай в забаву! Козачеству на славу, Вороженькам в расправу!» [Гоголь 2016: 199].

К использованию народных песен автор прибегает и при создании образов героинь, так как песни придают их образам еще больший лиризм и поэтичность. Например, лиризм любовной темы между молодым казаком Левко и Ганой выражается через песни, исполняемые парубком: «Немного помолчавши, заиграл он и запел: Сонце низенько...» [Гоголь 2016: 74].

Овеян лиризмом и образ Параски в «Сорочинской ярмарке»: «И начала притоптывать ногами <...> держа перед собой зеркало и напевая любимую свою песню: А ти, милый, чорнобровий, присунься близенько!» [Гоголь 2016: 48].

В «Ночи перед Рождеством» кроме традиции колядовать перед Рождеством, использованы и сами песни этого обряда: «То вдруг один из толпы вместо колядки отпуская щедровку и ревел во все горло: Щедрик, ведрик! Дайте вареник, грудочку кашки...» [Гоголь 2016: 160].

Для языка «Вечеров на хуторе близ Диканьки» характерно обилие пословиц и поговорок. Также встречается много элементов просторечия в речи героев. Это способствует созданию национального колорита, более точной речевой характеристике персонажа. В «Ночи перед Рождеством» в речи разных персонажей содержатся пословицы: «Не успел выйти за дверь –

и вот, хоть глаз выколи!» – слова Чуба [Гоголь 2016: 140], Оксана тоже выражалась меткими словечками: «Ему когда мед, так и ложка нужна!» [Гоголь 2016: 145].

В этой же повести можно увидеть и пример просторечия в речи запорожцев: «Та спасиби, мамо! Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье» [Гоголь 2016: 183].

Еще один важный объединяющий элемент цикла – форма повествования – народное просторечие, которое служит гранью между речью автора и героев, рассказчиков. Повествование легко и лаконично передается от одного лица другому. Например, в «Сорочинской ярмарке» повествователем становится герой из толпы, который даже не является главным героем повести. Он рассказывает Черевнику о кознях красной свитки, сообщает всем о том, что ярмарка будет неудачной: «заседатель...отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь» [Гоголь 2016: 24].

Совмещение речи автора, героев и рассказчиков – это и средство создания комизма повестей сборника. Манера разговора пасечника Рудого Панька играет важную роль – передает народный колорит малорусского говора.

Обращался Гоголь и к легендам. «Легенда – поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии» [Ожегов 1998: 123]. Иное толкование у Даля, который относит легенду к священному преданию, и все, что в ней происходит, связано с верой и религией. Общее в трактовке терминов то, что легенда переносит читателя на много веков назад, сохраняет в себе опыт поколений.

Легендное начало использовано автором в повести «Сорочинская ярмарка», в основе которой – история о черте в красной свитке, которую рассказывает кум: «Раз, за какую вину, ей-богу, уже и не знаю, только выгнали одного черта из пекла... Вот черту бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать

[Гоголь 2016: 35]. Потратив все деньги на выпивку, он расстаётся со своей свиткой, заложив её шинкарю, а когда же возвращается за ней, то не обнаруживает свитки на месте. Свитка черта стала «ходить» по селу, заменяя черта, выполняя его роль. И, хотя эта повесть заканчивается добром – свадьбой героев, злые силы проникают в мир Диканьки, происходит грехопадение его жителей. Легенда здесь играет сюжетобразующую функцию.

Черт является частым персонажем многих легенд. У Гоголя образ черта человекоподобен, даже похож на определенный расовый тип – на немца. По Гоголю, черт есть существо, протестующее против Бога, веры, против светлого начала. Искоренить это зло Гоголь пытается смехом, отсюда веселость повестей. В соответствии с этим, Гоголь по-новому осмысляет зло, являясь первооткрывателем комического черта, которого можно и нужно высмеивать.

Комический образ черта изображен в «Ночи перед Рождеством»: «...сади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды...» [Гоголь 2016: 136-137]. Черт в этой повести является участником основных событий. Пришедший из легенд, он одомашнивается: «...мордочка оканчивалась, как у наших свиней, кругленьким пяточком...» [Гоголь 2016: 136]. В этой повести он хитрый злодей, укравший месяц, устраивавший козни для жителей Диканьки.

В «Пропавшей грамоте» также присутствует этот легендарный персонаж. Как и в предыдущей повести, образы чертей здесь комичны: «...черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек» [Гоголь 2016: 121].

Но за всей комичностью изображения черта скрыта его истинная суть, которая, как раз, и выходит из многовековых легенд: черт – мистический герой, идущий против веры, против Бога, несущий зло.

В «Вечере накануне Ивана Купала» Басаврюк воплощает в себе скрытый образ черта: «Басаврюк! у! какая образина! Волосы – щетина, очи – как у вола!» [Гоголь 2016: 60], «...брякнул он с бесовской усмешкою...» [Гоголь 2016: 60]. Таким образом, образ черта, пришедший из легенд, под пером Гоголя приобретает новые черты, становится более глубоким, за внешним комизмом скрывается истинное зло и коварство.

Гоголь берет за основу повестей легенды не только о черте. В «Майской ночи» он использует распространенную фабулу о злой мачехе и страдающей из-за нее падчерицы, есть здесь и такие фольклорные образы, как ведьмы и русалки. Паночка, бросившаяся в пруд, стала русалкой и пыталась отомстить своей мачехе. А Левко рассказывает легенду о том, как злая мачеха тоже стала русалкой и даже в ирреальном мире проявляла свое коварство. Интересна и композиция произведения – рассказ в рассказе. Возвращение к легенде происходит в главе «Утопленница». Фантастика здесь проявляется во время сна Левко, но после его пробуждения действия потусторонних сил остаются реальными: «Тут он разогнул свою руку...и вскрикнул от изумления, почувствовавши в ней записку» [Гоголь 2016: 107].

Легенды, к которым Гоголь обращается в повестях, являются притчевыми, показывают, что произошедшая ситуация уже когда-то была, действие ее повторяется.

Помимо народных легенд, автор использует и библейские. В «Страшной мести» нельзя не заметить инвариант легенды о Каине и Авеле. Ее Гоголь преподает не в оригинальном виде, а видоизменив. Но тема греха и преступления остается и в гоголевском тексте. Легенда о колдуне ответвляется от всего повествования и становится самостоятельным текстом, при этом именно в ней появляется фантастика. В данном произведении, как и во всех повестях, Гоголь делает незаметной границу между мирами, через которую проходят герои, образы мистифицируются. Отец Катерины становится колдуном из легенды, приобретает его черты. Грех Петра можно

сопоставить с прародительским грехом, последствием которого становится власть дьявола, в гоголевском тексте – колдуна.

«Ночь перед Рождеством» также имеет в своей структуре библейскую легенду о бесе, на котором путешествовал архиепископ Иоанн. В основе «Повести о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим» лежит борьба праведника с бесом. В гоголевском тексте праведником предстает кузнец Вакула, который вел праведную жизнь, был глубоко верующим человеком, он верхом на черте отправляется в путешествие до Петербурга. Сюжеты легенды и повести Гоголя идентичны.

Украинский фольклор, заключенный в легендах, пословицах и народных песнях, придает особый романтический настрой повестям Гоголя, поэтизируя образы главных героев. Особую роль играют мистические персонажи, с давних времен известные народу. В легендах популярен мотив о продаже души злым силам, герои легенд заключают в себе зло, от которого нужно защищаться гоголевским персонажам, не поддаваться их провокациям и соблазнам. Легенда в каждой повести играет важную композиционную роль, соединяя предание и основной пласт повествования.

Также Гоголь использует двоемирие как один из важных структурных факторов в построении повестей сборника.

В романтических произведениях действия и ситуации носят характер условности, автор их придумывает, фантазирует, а не берет какие-то исторические события за основу. В центре романтического художественного метода лежит «романтическое двоемирие» – ощущение глубокого разрыва между идеалом и действительностью. У романтиков появляется новое понимание идеала и действительности, для них идеал – это что-то прекрасное, бесконечное, таинственное, часто непостижимое, потому-то и основным художественным приемом, используемым авторами-романтиками, является романтическое двоемирие. Этот прием основывается на раздвоении и параллельном существовании двух миров: мира реального и мира идеального (сказочного, вымышленного, мира грёз). В основе приема лежит

отвержение и неприятие героем одного мира – мира реального, в чем-то для него несовершенного, и бегство из него в мир фантастический, в котором герой чувствует себя защищенным, понятым, отстраненным от бытовой суеты.

Романтические герои стремятся к смене обстановки, к неизвестным краям, новым странам, неизученным местам. Часто для романтика важно не само перенесение, преступление через границы миров, а стремление к этой цели, мысли о другом мире.

Реальный мир для героя кажется пустым, бессмысленным. Мысленное нахождение героя в разных мирах ведет к проблеме пространства и времени в произведении. Так, герой может возвращаться в прошлое или, наоборот, перемещаться в будущее. Глубине и всеобщности разочарования в действительности, в возможностях цивилизации и прогресса полярно противопоставлялась у романтиков тяга к бесконечному, к идеалам абсолютным, безусловным. Чтобы воссоздать свои придуманные идеалы, романтики обращаются к религиозным мотивам, фантастическим и мистическим изображениям реальных.

«Изображение мира земного, обыденного и волшебного, загадочный главный герой и окружение его фантастическими образами, существование двойников, странные происшествия, гротеск, фантастика, так называемая романтическая ирония – все это определяло художественный мир и особенности строения произведений писателей-романтиков» [Маймин 1975: 239].

В романтическом произведении фантастика благодаря двоимирию обретает особую роль. Она выступает как мировоззренческая и эстетическая категория. Фантастика романтизма не нарушает законы мироздания, а обнаруживает их и исполняет. Они имеют высшую духовность, а реальность выступает материально не ограниченной.

Именно фантастика во многих произведениях становится универсальным способом постижения действительности в искусстве за счет

преображения ее внешних форм при помощи образов и ситуаций, не имеющих аналогов в материальном мире и наделенных символическим значением, которое открывает в реальности духовную закономерность и взаимосвязь.

По мнению таких исследователей, как Г.Н. Пospelов [Пospelов 1953], Г.А. Гуковский [Гуковский 1959], А.И. Иваницкий [Иваницкий 1989], Гоголь является прогрессивным романтиком. В своем творчестве он утверждал гуманистические идеалы, мечты о свободной жизни народа. В начале его творческого пути четко прослеживается народолюбие и свободолюбие.

Гоголь хорошо знал, что жизнь украинцев того времени выглядит совсем иначе, чем он описывал в повестях, что трудовой народ не жил такой счастливой и радостной жизнью, как повествует писатель. Н.В. Гоголь создал образ желаемого общества, в котором народ освобожден от гнета. Свои мечты писатель перенес на бумагу.

Гоголь задался целью создать картину идеальной жизни народа, он включил в произведения много образов прекрасных людей, радующихся жизни, веселящихся парубков и девушек, мудрых и добродушных стариков.

В романтических произведениях Гоголя протест личности против мира отсутствует. Но вместо бунтующей личности выступает народ, общественные идеалы которого и утверждает писатель.

Гоголь пишет о том, как злые духи вмешиваются в судьбу человека. Судьба часто бывает трагической, герой чувствует себя беспомощным, а за обращение к демоническим силам за помощью в решении проблем земной жизни несет заслуженное наказание.

Романтическое мировосприятие находит отражение в двуплановости художественного мира гоголевских произведений, появляются мир земной и мир потусторонний, в котором можно выделить религиозные мотивы и ярко выраженные мистические признаки.

Между мирами есть определенное взаимодействие, грани между ними отсутствуют. Герои из одного мира проникают в другой без каких-либо

преград. Между персонажами из разных миров происходит коммуникация. Два мира взаимодействуют друг с другом: идет борьба добра и зла, святого и дьявольского.

К. Мочульский отмечает, что «в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь следует двум разнородным традициям, стараясь связать их единством стиля. Первая традиция – немецкая романтическая демонология: ведьмы, черти, заклинания, колдовство, с которыми Гоголь был знаком по повестям Тика и Гофмана; вторая – украинская народная сказка с ее исконным дуализмом, борьбой Бога и дьявола» [Мочульский 2017: 14].

Влияние немецких романтиков на раннее творчество Гоголя и зарождение романтизма в его произведениях однозначно. Важны для подтверждения этой мысли слова Г.В. Флоровского об авторском мировидении: «Гоголь пережил и прочувствовал все демонологические мотивы романтики и перевоплотил их в полнозначных образах. И чувствуется в этом сила личного убеждения, острота личного опыта, – мир во власти злых сил, в темной одержимости и во зле лежит. <...> Молодой Гоголь и религиозно живет в каком-то магическом мире, в мире чарований и разочарований. У него были странные прозрения в тайны темных страстей» [Флоровский 1991: 260-261].

Однако вторая традиция, названная К. Мочульским, для Гоголя является более важной, она основана на христианском противопоставлении добра и зла. С.Л. Франк обращает внимание на «религиозное сознание Гоголя», где в качестве «доминанты» выделяет страх писателя перед демонологией, которая возрастает и не искореняется.

Таким образом, в творчестве Н.В. Гоголя нельзя свести концепцию двоимирия к противопоставлению мира реального и идеального, что характерно для немецкого романтизма. Картинам с изображением веселой народной жизни Гоголь приводит в антитезу не реальный мир, а ирреальный, демонический, который проникает в повседневную жизнь персонажей.

Анализируя творчество Гоголя, В. Гиппиус писал, что шесть из восьми повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «...варьируют одну тему»: «вторжение в жизнь людей демонического начала и борьба с ним» [Гиппиус 1994: 32]. Исследователь ведет речь о героях, которым пришлось встретиться с представителями народной демонологии, герои ведут борьбу с ними, но зло не остается до конца побежденным. При этом Гиппиус называет две оставшиеся повести – «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Сорочинская ярмарка» «вне демонизма». Но именно в них гоголевское понимание демонизма проявляется ярче всего [Гиппиус 1994].

Ю.В. Манн воссоздает гоголевскую концепцию двоемирия во всей ее цельности и художественности. Исследователь считает, что злая ирреальная сила, выросшая в «необъяснимый неконтролируемый разум», всегда присутствует в реальном мире в произведениях Гоголя [Манн 1996: 255]. Герои легко поддаются соблазнам злых сил, думают о своих низменных потребностях.

В реальном мире зло выражается и через образы природы, а именно «катаклизмы», произошедшие с ней из-за действия злых сил. Выражается это, например, в заключительной повести «Заколдованное место»: «...но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец...черт знает что такое!» [Гоголь 2016: 291].

Каждая повесть из сборника овеяна мрачным настроением, присутствием мистики, но представлено это в разной степени.

Повести сборника как бы чередуются по настроению: суровые и веселые, лирические произведения; повести с точным описанием быта и произведения с мистикой и фантастикой. Веселая «Сорочинская ярмарка» находится рядом с драматическими действиями «Вечеров накануне Ивана Купала». Комизм «Ночи перед Рождеством» соседствует со страхом и ужасом «Страшной мести».

Заметны резкие переходы в развитии действия в повестях, Гоголь переключается из одного плана повествования в другой.

Например, в первой повести «Сорочинская ярмарка» Гоголь предстает как сатирик, в ней много юмористических сцен, смех здесь продолжает звучать и при встрече с объектами фантастического мира. Ужас используется в меньшей мере, чем юмор: «...свиньи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жида плетеными тройчатками, заставляя его плясать повыше вот этого сволока» [Гоголь 2016: 320]. Д.С. Мережковский занялся изучением характера смеха в повестях, который заметили все прочитавшие цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Он связывает цель смеха в гоголевском тексте со стремлением выставить черта «дураком» [Мережковский 2010]. Сам Гоголь признавался, что это, действительно, было смыслом всего его творчества, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» [Мережковский 2010].

Характерный для романтизма пейзаж открывает главу: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака» [Гоголь 2016: 15]. И образ Параски полон задорного веселья, при этом героиня нежная и любящая, ее описание поэтичное: «...на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбающимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке» [Гоголь 2016: 17].

Темные силы в этой повести слабы, они еще не делают зла. Нечистая сила проявляется только в необъяснимом страхе всех от рассказа про красную свитку и появлении свиной рожи как символа сатаны, которое

выставляет героев смешными. Но все-таки силы добра, любовь побеждают демонические силы; Параска и Грицко женятся.

В «Сорочинской ярмарке» Гоголь выражает главную мысль всего цикла. Она заключается в том, что народ стремится творить добро, здесь показана жизнерадостность и любовь, а это и есть источник счастья, то, к чему стремится сам Гоголь и его герои.

Так, в «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте» – чертовщина уморительная и «домашняя»: обе повести являются своего рода демонологическими анекдотами [Мочульский 2017: 14].

В этих повестях еще доминирует то смешное, чем писатель хотел отвлечь себя от бытовой жизни и проблем, но здесь уже присутствует двоемирие.

«Две самые маленькие, приближавшиеся к новелле, повести цикла – «Заколдованное место» и «Пропавшая грамота» – строились на полуироническом-полусерьезном контрасте желаемого и реального, стремлений и результата, причем развитие интриги не обходилось без участия тех же ирреальных сил» [Манн 2012: 369]. Они являются комическими повестями, нечисти в них мало.

Фантастика здесь изображается с юмором, писатель подробно описывает быт, обстановку реального мира: «На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябело. Но так как было рано, то все еще дремало, протянувшись на земле. Возле коровы лежал гуляка-парубок с покрасневшим, как снегирь, носом; подале, храпела, сидя, перекупка кремнями, синькою, дробью и бубликами; под телегою лежал цыган; на возу с рыбой – чумак; на самой дороге раскинул ноги бородач-москаль с поясами и рукавицами» [Гоголь 2016: 114].

Изображение фантастического и мистического тоже насыщено деталями быта, поэтому переход и взаимодействие миров плавное.

В «Заколдованном месте» фантастическое разрешается с комизмом, здесь еще присутствует добрый смех. Герой думает, что добыл богатства:

«Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес! – сказал дед и открыл котел. Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? Вот то-то, что не золото: сор, дряг...стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после того вымыл. И с той поры заклил дед и нас верить когда-либо черту» [Гоголь 2016: 290]. Мнимое богатство исчезает, герой остается ни с чем, и это его наказание за контакт со злыми силами.

В повестях «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством» двоимирие выражено более явно. Герои ведут борьбу добра против зла.

Эти повести любовные, демоническая сила в них усиливается по сравнению с «Сорочинской ярмаркой», одолеть ее все еще можно, но чертовщина уже опасна. Потусторонний мир начинает проникать в реальный мир, оказывать влияние на людей. Проникая в другой мир, темные силы начинают вносить в него хаос.

В ключевой главе «Утопленница» повести «Майская ночь» переход к мистическому миру виден по описанию ночи, образов природы: «...ночь казалась перед ним еще блистательнее», «Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле», «Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота» [Гоголь 2016: 102]. По мнению Н.А. Котляревского, такие поэтические изображения пейзажа являются чертой романтизма в произведении.

Неслучайно после такого описания пейзажа Левко встречает персонажей из потустороннего мира: несчастную панночку и злую ведьму-мачеху. Романтический герой, воодушевленный красотой другого мира, бесстрашно вступает в контакт с его обитателями, ведет с некоторыми из них борьбу, за помощь Левко вознагражден: героиня из потустороннего мира помогает решить ему любовную проблему.

Таким образом, Гоголь сливает два мира, герои свободно переступают их границы и путешествуют в обоих мирах.

Повествование в повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» ведет пасечник Рудый Панько – это дает Гоголю неограниченный простор для фантазии, возможность сплести фантастику и реальность.

В «Ночи перед Рождеством» мистика начинает проявляться с первых страниц: «Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле» [Гоголь 2016: 135]. Гоголь совмещает в пределах одного предложения и фантастический образ ведьмы, и поэтическое описание происходящего.

Эпизод, в котором рассказывается о Солохе, – это совокупность фантастики и обыденности. Как удивительно смог совместить в одном образе Гоголь ведьму и хорошую хозяйку: «Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту...» [Гоголь 2016: 150].

Кроме ведьмы в Диканьке появляется еще чёрт, который украл месяц.

Даже сын Солохи, глубоко верующий кузнец Вакула, для того, чтобы осчастливить свою возлюбленную, входит в контакт с потусторонним миром. Он долго не мог решиться обратиться к злым силам, его терзали противоречивые мысли: «...кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила...» [Гоголь 2016: 166].

«Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевички, выйду за тебя замуж!» [Гоголь 2016: 155]. Молодая девушка Оксана, первая красавица села, описана Гоголем поэтично: «...мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигающей душу...» [Гоголь 2016: 143].

Не найдя другого способа угодить любимой, кроме как принять помощь чёрта, кузнец выходит из своего состояния печали, оставляет мысли о смерти.

Интересен временной пласт повести. Часы и время замирают, когда Вакула отправляется в путешествие из Диканьки в Петербург. За одну ночь происходит их полет с чертом. Возвращается же герой ранним утром. Именно это время играет важную роль, так как после трех часов ночи, по преданиям, вся нечисть исчезает, знаменует ее уход своим пением на рассвете петух. Как раз с песней петуха возвращается кузнец с черевичками.

Автор отправляет Вакулу в путешествие ради панночки. Кузнец-иконописец справляется с чёртом: «Вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» [Гоголь 2016: 189].

Мистические образы переданы Гоголем с положительной коннотацией. «Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен» [Гоголь 2016: 177]. Пейзаж поэтичен и в этой части повести.

Таким образом, мистические герои, поэтичные портреты, пейзажи, двоимирие составляют романтизм данных повестей.

В «Вечере накануне Ивана Купала» и в «Страшной мести» изображается самый страшный грех – убийство, здесь расторгаются человеческие связи, смешное затихает, на смену ему приходит ужасное. Гоголь создал здесь образы Басаврюка и колдуна, воплощающие в себе зло в концентрированном виде; демоническое имеет большую силу, оно полностью проникает в реальный мир, может убивать.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» Гоголь нарушает временные рамки, перенося читателей в прошлое. Здесь представлен романтический герой Петро, который находится в состоянии уныния, тупика, герой заливает горе в шинке. Басаврюк, «дьявол в человеческом образе», предлагает помочь решить его проблему. Сам о том не подозревая, Петрусь оказывается в мире ведьм и колдунов: «Всё покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах» [Гоголь 2016: 64-65]. В этой повести пейзаж дается автором жутким,

но поэтичность его изображения сохраняется. Живое и увлекательное изображение народных героев уступает место в «Вечере накануне Ивана Купала» ирреальной символике. Здесь образы, окружавшие романтического героя, представлены не радующими глаз, как в «Ночи перед Рождеством» и «Майской ночи», а пугающими. Петро так и не получает счастья от супружеской жизни: обратившись к другому миру, он не может в полной мере теперь наслаждаться реальной жизнью. История заканчивается несчастливо, что тоже отличает ее от большинства повестей сборника.

В повести «Страшная месть» не обошлось без мрачного колорита, который передается через образ колдуна, оказавшегося изменником родины. Его демоническая сила вмешивается в обыденную жизнь и показывает свои ужасные черты.

В этой повести выражается патриотическая идея, причем выражается она в романтической форме, включающей мистические образы. Как считал Белинский, именно в «Страшной мести» и в «Вечере накануне Ивана Купала» показаны отступления от жизненной правды [Цит. по: Степанов 1955].

Таким образом, прием двоемирия, использованный автором в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», предполагает наличие двух миров: потустороннего, содержащего злые силы, и условно реального, в который эти силы проникают. Кроме этого, существует третий мир, собственно реальный, в котором автор через произведение обращается к читателю, высказывая свое отношение к происходящему, пытаясь предупредить, не дать в реальности произойти всему описанному. При этом фантастика, использованная автором в каждой повести, начиная с «Сорочинской ярмарки», плавно вливается в сюжет произведений, придавая ему особую поэтичность.

Проанализировав художественный мир повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», мы пришли к выводу, что художник использовал в них такие элементы романтического метода, как двоемирие, которое предстает

как изображение двух пространств, в которых уживаются добро и зло; широкое использование жанров устного народного творчества, фантастики. Главной целью у Гоголя была идея выразить духовную жизнь народа, показать счастливую вольную жизнь обитателей Диканьки. Следуя романтическим принципам, писатель изображает быт народа, украинское казачество, поэтизирует образы героев, особым лиризмом обладают женские образы. Народная жизнь выражена через легенды, сказки, песенное творчество.

Для построения пространственно-временных отношений автор обращается к традиционному для романтиков пограничному состоянию времени суток: вечеру, обозначающему границу между днем и ночью и, по мнению И.Ф. Замановой, служащему приглашением к действию, диалогу [Заманова 2012]. Вся совокупность романтических тенденций, выраженных в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», позволяет отнести его к романтическим произведениям автора. Особенностью гоголевского романтизма является то, что автор понимает обреченность действительности и небытие мечты, это отличает его от романтиков-предшественников.

2.2. Реалистические элементы «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя

В литературе 1830-х годов наблюдается смена поколений, романтики уступают дорогу реалистам. Переходный период проходит не так легко, так как изменяются представления о задачах и назначении литературы, происходит «перестройка» сюжетов и системы персонажей: особый герой в особых обстоятельствах теперь не актуален, ему на смену приходит типичный герой и, соответственно, типичные обстоятельства. При этом, новое искусство опирается на такие достижения предшествующих романтических традиций, как глубокое проникновение во внутренний мир

человека, противопоставление добра злу, историзм, внимание к национальному колориту. Реалисты создают реальную, типичную картину жизни. Реалисты изучают среду обитания их героя, объясняют его поступки влиянием этой среды, создается социальный тип. И на этом пути творчество Н.В. Гоголя – важная веха, оказавшая огромное влияние на развитие реализма в русской литературе. Переход к реализму намечается уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», он наиболее явно обозначен в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», где показывается ничтожность характеров, дается правдивое изображение дворянства. Эти темы найдут яркое выражение в последующем творчестве писателя, так как в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь все-таки хотел показать народную жизнь Украины.

В каждой повести автор приводит бытовые зарисовки, элементы преданий и устного народного творчества, все это, не нарушая романтического мира, вносит в него реальные элементы. Поэтому художественный мир «Вечеров на хуторе близ Диканьки» составляют не только черты романтизма, но и реализма. При этом обилие описаний быта украинского народа, их нравов, легенд позволяет лучше понять мировоззрение малороссийского селянина.

В.В. Зеньковский говорит о необычности и самостоятельности творчества Гоголя: «Своеобразие художественного дарования Гоголя в том, что оно всегда выдвигает реальную картину, но для того, чтобы явно или неявно дать простор для романтического настроения автора. Эстетический романтизм, уступая место религиозно-моральному романтизму, обращен в своих оценках, планах, замыслах все же к живой реальности русской жизни. Но своеобразие художественного дарования Гоголя и в том, что художественное творчество было для него связано с идейными исканиями. Мыслитель в Гоголе опирался именно на то, что открывалось его художественному зрению, – и Гоголь был крайне щепетилен именно в том, чтобы быть всегда верным действительности. Правда, он легко прибегал к

фантастике, к явному неправдоподобию, – но это значило, что реальность легче обрисовывалась через внесение фантастического элемента» [Зеньковский 1997: 188].

Частое описание быта, утвари в повестях является деталью реалистического изображения. Гоголь рисует повседневный быт украинского народа, будничную обстановку, выделяет типичные бытовые черты. Удастся ему это сделать достаточно точно и достоверно.

Например, в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Гоголь показывает такие пороки помещиков, как корыстолюбие, обманы, скрытые за картиной их быта, за укладом их жизни.

А повесть «Заколдованное место» имеет подзаголовок «быль, рассказанная дьячком», и это указание свидетельствует о реалистичности повествования. Кроме этого, указывается определенное время и место действия: «Батько еще в начале весны повез в Крым на продажу табак» [Гоголь 2016: 282]. К тому же, в повести используется правдивое и реалистичное изображение всех событий, описание одежды, утвари. С первых строк появляются предметы украинского быта: «Дед засеял баштан на самой дороге и перешел жить в курень; взял и нас с собою гонять воробьев и сорок с баштану» [Гоголь 2016: 282]. В данной повести упоминается название украинской кухни: «...выпил кухоль сировцу...» [Гоголь 2016: 286].

Есть упоминание об украинских напитках и в «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке»: «прошу, золототысячниковой или трохимовской сивушки» [Гоголь 2016: 266]; в «Страшной мести» Гоголь указывает название украинской каши: «только одну лемишку с молоком и ел старый отец» [Гоголь 2016: 208]; в «Ночи перед Рождеством» каша представляет собой религиозный обрядовый элемент, связанный со светлым праздником Рождества: «...ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники» [Гоголь 2016: 166], упоминается эта каша еще в повести «Вечер накануне Ивана Купала»: «...горло твое было залеплено горячею кутьею!» [Гоголь 2016: 56], есть здесь

и другой элемент украинской пищи: «...память его была как карман старого скряги, из которого полушишки не выманишь...» [Гоголь 2016: 65]. Еще в предисловии к сборнику появляются название продуктов и блюд: «...старуха моя догадалась поставить на стол горячий кнись с маслом» [Гоголь 2016: 10], «...грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть пугрю с молоком?» [Гоголь 2016: 11-12].

Детали одежды появляются во всех повестях, это и верхняя одежда, и головные уборы, и обувь. В «Сорочинской ярмарке», описывая внешность «неугомонной супруги», Гоголь детализирует ее одежду, используя чисто украинские названия: «...в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очинке...» [Гоголь 2016: 18]; в «Ночи перед Рождеством» в наряде Чуба подмечается такая деталь, как шапка-ушанка: «...нахлобучивая глубже на голову капелюхи...» [Гоголь 2016: 150].

Украинский национальный костюм в представлении многих – это яркие ленты в волосах девушек, расписные рубахи с вышитыми цветами, пышные юбки и широкие мужские шаровары. Эти элементы одежды так же были использованы и Гоголем. Однако известно, что Гоголь просил мать в письме о том, чтобы она прислала ему названия элементов одежды дьяка, женских нарядов. Все эти реальные названия он включил в описание внешнего облика героев; часто элементы костюма представляют важную художественную деталь, дают дополнительный оттенок в характеристике персонажа.

В образе Оксаны используются типичные элементы наряда украинки: «...у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна!» [Гоголь 2016: 143]. В этой повести подробно описаны и детали одежды Солохи: «...надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы...» [Гоголь 2016: 148].

Что касается мужской одежды, то она представлена в описании внешности Чуба: «...поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут...» [Гоголь 2016: 140].

Таким образом, мы видим подробное описание одежды героев, передающее национальный колорит во всей точности и действительности.

Немаловажной деталью является описание утвари украинцев, начинающееся с «Сорочинской ярмарки»: «...местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась...» [Гоголь 2016: 16], «...достань-ка там в возу баклажку!» [Гоголь 2016: 34], «...вместо тавлинки вытащил кусок чертовой свитки...» [Гоголь 2016: 45]; в «Майской ночи» есть предметы, связанные с религиозным культом: «...а еще лучше повесить на верхушке дуба вместо паникадила» [Гоголь 2016: 98]; в речи главного героя в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» используются предметы посуды: «...где погребец со штофиками?» [Гоголь 2016: 256].

Заметим, что точное описание утвари, посуды, одежды и украшений, различных блюд и напитков играет важную роль в произведениях. Благодаря этим деталям читатель знакомится с культурой Украины того времени, познает менталитет народа. В свою очередь подробные художественные детали действительного быта придают повестям реалистические черты.

Как уже отмечалось, Гоголь не поднимал вопрос крепостного права в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», но во второй части сборника начинает звучать тема освободительной борьбы. Наиболее сильно это звучание слышно в «Страшной мести», которая представляет собой в сюжетном отношении полупоэму. Но, с включением в нее образа Данилы Бурульбаша, обретает реалистический элемент. Освободительная борьба непосредственно связана с образом казачества, эта тема была ведущей в творчестве Гоголя, так как он чувствовал свою кровную принадлежность к этой социальной группе. А. Белый понимает сюжет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «как картину

быта казаков и крестьян, которую Гоголь создает искусственно: она подана на фоне древней общины, потерянной в тумане тысячелетий <...> такая архаизация – для жути; она увеличивает гигантски дикости быта, создавая несообразность, для современного глаза, когда автор притворяется разделяющим точку зрения дедов своих» [Белый 1996: 59-60]. По мнению исследователя, родовое начинает разрушаться, что ведет к преступлению, в связи с этим появляется трагическая тема, перетекающая из повести в повесть. Однако А. Белый акцентирует внимание на личности автора, и, таким образом, рассмотрение литературной традиции и происходящих в этот период на литературной арене перемен уходит на второй план [Белый 1996].

Сборник не лишен исторической локальности: в каждой повести изображено определенное историческое время. Весь цикл можно рассмотреть в диахроническом аспекте, каждую отдельную повесть – в синхронии.

В большинстве повестей цикла история явно не проявляется в произведении, но среди повседневных событий слышны утверждения народа о вольности и свободе. Уже с первых повестей сборника реалии времени, история начинают упоминаться в речи главных героев. Так, в «Сорочинской ярмарке» Параска рассуждает о том, что она – вольная казачка: «Мачеха делает все, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается?» [Гоголь 2016: 47-48]. В этих строках есть протест девушки, осознавшей, что она уже не «дитя» и имеет свое мнение.

Взбунтовавшаяся личность появляется и на страницах «Майской ночи». Левко был возмущен произволом головы, он пытается открыть глаза на действительность и остальным парубкам, напоминает им о правах: «Что же мы, ребята, за холопья? Разве мы не такого рода, как и он? Мы, слава богу, вольные козаки! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!» [Гоголь 2016: 88]. Г.А. Гуковский в работе о творчестве Гоголя пишет о проблеме свободы казачества в «Майской ночи», исследователь видит в этой повести «...ноту насмешки над пустыми претензиями головы разыгрывать власть; это – насмешка сильных, свободных людей, не боящихся власти и

почти беззлобно смеющихся над нею в сознании своей силы» [Гуковский 1959: 230].

В некоторых повестях история имеет четко обозначенные временные границы. Выражено это в повести «Страшная месть», где автором затрагивается эпоха казацких войн XVII века: «На пограничной дороге, в корчме, собрались ляхи и пируют уже два дни» [Гоголь 2016: 221]. Вспоминаются здесь и прежние исторические происшествия: «Не бывало такого соблазна на русской земле и от татар» [Гоголь 2016: 221]. А повесть «Пропавшая грамота» иллюстрирует период гетманщины, которая существовала до 1764 года. «Пропавшая грамота» и повести второй части цикла имеют четкие временные границы: от борьбы казачества с поляками, что было рассмотрено в «Страшной мести», до крепостнической современности. Этот момент истории выражен в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», где изображено современное автору время. Закономерно, что такие исследователи, как Д. Овсяннико-Куликовский, Н.А. Котляревский считали данную повесть явно реалистической. Здесь Гоголь разделяет крестьянство и дворянство по социальной роли, по моральным качествам, духовности. Дворянство показано паразитирующим: Иван Федорович и его тетушка представляют сословие мелких помещиков, круг их интересов ограничен материальными благами. Шпонька не читает книг, хотя знает грамоту, поэтому он невежа. Также в этой повести подробно изображен быт помещиков. Неслучайно Н.А. Котляревский считал, что «...рассказ о Шпоньке и его тетушке выдержан весь, без малейшего отклонения, в стиле строжайшего реализма» [Котляревский 2015: 20]. Исследователь выделяет черты реализма и в других повестях цикла. В «Вечере накануне Ивана Купала» это «живые, с натуры списанные портреты», в «Страшную месть» «введен целый ряд эпизодов из казацкой жизни, нарисованных необычайно правдиво и реально» [Котляревский 2015: 20]. При этом Гоголь смыкает прошлые времена и современность: прошлое показано героическим, вольным, свободным, а современность – порочной, скучной.

Изображая исторические события в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (борьбу казачества, свою современность), Гоголь использует точные штрихи, вливающиеся в мистико-бытовое повествование повестей. Но историзм нужен автору, чтобы обратиться к теме власти, рассмотрение которой, в первую очередь, связано с образом Екатерины II.

Императрица появляется в повести «Майская ночь»: «Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он в провожатые...» [Гоголь 2016: 83-84]. Эта поездка действительно существовала, так Гоголь емким предложением включает исторический элемент в ткань повествования. Появляется образ царицы и в «Пропавшей грамоте», где нет указания на собственное имя: «Один раз задумалось вельможному гетьману послать зачем-то к царице грамоту» [Гоголь 2016: 113]. Изображает Гоголь Екатерину II в повести «Ночь перед Рождеством», появляется здесь и образ вельможи Потемкина, которому не безразлична судьба казачества. Эту ситуацию Гоголь обыгрывает иронично, так как в реальной истории именно Потемкин по приказу императрицы разоряет Сечь. Когда заходит разговор о причине визита казаков к царице, которая заключается в прошении милости, Потемкин начинает чистить драгоценные камни. Это может быть понято как отсутствие с его стороны внимания к проблеме запорожцев, незаинтересованность в ее решении: «Потемкин молчал и небрежно чистил небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унижены его руки» [Гоголь 2016: 183]. Но, если изучить труд Шахмагонова о Потемкине, можно заметить важную для нас в анализе эпизода повести деталь его характера: «Когда князь о чем-либо размышлял, то, чтобы не отвлекаться и сосредоточить свои мысли на известном предмете, он брал в руки драгоценные камни и тер их один об другой, или обтачивал пилочкою серебро, или наконец раскладывал камни разными фигурами и любовался их игрою и блеском» [Шахмагонов 1991: 185].

Казаки приходят к царице, чтобы узнать о своей будущей судьбе: «Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос: – Помилуй, мамо! помилуй!» [Гоголь 2016: 182], «...зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость?...чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию через Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..» [Гоголь 2016: 183]. В этом монологе упоминаются реальные исторические события, на которые поверхностный читатель даже не обратит внимания, так как основная линия повествования в данной композиционной части Вакула-царица. Но в «Ночи перед Рождеством» тема казачества, их службы отечеству, бескорыстной и верной, недооцененность удалых запорожцев императрицей является весьма важной, несмотря на господствующую в повести мистику и романтику. И если Вакула добивается милости от грозной Екатерины, то казакам в волшебную Рождественскую ночь не удастся добиться милости и сохранить Запорожскую Сечь. Данный эпизод свидетельствует об особом таланте Гоголя, позволяющем ему внести реалистические черты в романтическое повествование.

Исторические реалии, которые Гоголь талантливо вплетает в сюжет «Вечеров на хуторе близ Диканьки», играют важную роль в сюжете каждой повести в отдельности и всего цикла в целом. Они передают жизнь украинского казачества во всем драматизме, Гоголь вспоминает удалое прошлое запорожцев, говорит об измельчании их в настоящем.

Разные слои общества выступают героями «Вечеров на хуторе близ Диканьки», центром повествования Гоголь делает народ, который трудится, развлекается, пляшет и поет. Появляются реальные народные характеры: кузнец Вакула, Хивря, Солопий, Каленик и Голова, Дед из «Пропавшей грамоты». Давая обобщенные образы представителей разных слоев населения, Гоголь не забывает об индивидуальных деталях в портретах героев, точности изображения. Так, Вакула предстает удалым парубком,

каких, кроме него, «по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки» было много. Еще один парубок, изображенный Гоголем – «молодой козак» Левко из «Майской ночи», где, кроме главного героя, изображены его друзья-парубки, которые вместе веселятся и балагурят. Объединенные одной идеей, в главе «Парубки гуляют» они показаны в единстве и обобщенности: «Гуляй, козацкая голова!.. любо, вольно на сердце; а душа как будто в раю. Гей, хлопцы, Гей, гуляй!..» [Гоголь 2016: 88]. Если рассмотреть «Сорочинскую ярмарку», которую Гоголь создал с опорой на комедию своего отца «Простак», в ней можно увидеть яркие образы типичной украинской семьи: безвольный отец, над которым имеет власть строгая жена, красавица-дочка. В «Пропавшей грамоте» Дед является воплощением исторического типа, он противопоставляется потомкам. Главное здесь – противопоставление прошлого Украины ее печальному настоящему. Данило Бурульбаш воплощает собой национально-исторический тип, он показан как настоящий украинский рыцарь, он является казацким военачальником, реальной фигурой, отсылающей читателя в повести «Страшная месть» к историческим событиям, упоминание о которых представляет реалистический элемент. Таким образом, Гоголь вводит в повести цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» реальные народные характеры (Вакула, Голова, Солопий), исторические (Екатерина II, Потемкин), национально-исторические (Данило Бурульбаш, Дед), социальные характеры (Хивря, Каленик, Шпонька). Они придают реалистическую окраску повестям.

Подводя итог проведенного исследования, отметим, что реалистические тенденции связаны в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с подробным описанием быта Украины, исторической темой, включающей проблемы казачества и освободительного движения, а также с созданием автором колоритных народных и социальных типов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гоголь, начавший свой творческий путь как писатель-романтик, попадает под влияние нового направления и включает реалистические элементы в создаваемые произведения. Появлению реалистических тенденций в повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» способствует и увлечение Гоголя историей. Выясняя причины различных социальных, политических и экономических явлений в стране и мире, писатель не мог не отразить их на страницах произведений. Ему удалось искусно совместить мистику, фантастику, фольклор, свойственные романтизму и точные бытовые описания, портреты исторических деятелей, эпизодические картины, отражающие события истории, характерные для реализма.

Необходимо отметить, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» – особое произведение Гоголя, совмещающее романтические и реалистические тенденции.

Гоголь совмещает разные художественные тенденции в рамках одного произведения, при этом весь цикл повестей обретает целостность и в своей совокупности отражает размышления о добре и зле, о трудовом народе, о вере и предательстве.

В сборнике можно выделить следующие черты романтизма: во-первых, само название «Вечера» служит отсылкой к произведениям романтиков, так как это время считалось переходным между реальностью дня и мистикой ночи и широко использовалось романтиками, оно предполагало наступление действия или начало диалога; во-вторых, основная черта романтизма – двоемирие, она ярко выражена в повестях цикла, для которых характерен разрыв между двумя мирами (реальным и ирреальным), герои гоголевских повестей имеют возможность проникать из одного мира в другой, контактировать с персонажами потустороннего мира. Двоемирие появляется в первой повести сборника «Сорочинская ярмарка» и присутствует в

последующих повестях цикла. Иррациональный мир входит в сборник Гоголя благодаря легендам, снам, фантастике, мистике. Романтическое двоимирие реализуется в системе персонажей, которых можно разделить на сторонников злых сил и их антагонистов. Таким образом, двоимирие неразрывно связано у Гоголя с противопоставлением добра и зла. При этом зло, как правило, заключено в мистических образах черта, ведьмы, русалок. Проникая в реальный мир, оно привлекает на свою сторону тех персонажей, которые одержимы желанием достичь своей цели любыми способами.

Использование фольклора также является важной романтической чертой сборника. На страницах повестей Гоголь часто обращается к устному народному творчеству Украины, включая в текст песни, поговорки, пословицы, что помогает создать национальный колорит. Н.В. Гоголя, как и всех романтиков, привлекают фантастические сюжеты, которые он развивает в каждой повести цикла; автор изображает поэтические образы природы и главных героев, ведущих борьбу добра против зла.

Параллельно с романтическими чертами в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» проявляются реалистические элементы. К ним относится подробное описание быта, утвари. В повестях Гоголь часто использует описание обряда или блюда, напитка, характерного для украинского народа, приводит описание национального костюма украинцев. Такое подробное описание этих элементов является важным, так как знакомит читателя с традициями и культурой Малороссии. Реалистической чертой является и включение в сюжет повестей исторической тематики. Она не вынесена автором на первый план, но при внимательном прочтении можно заметить исторические зарисовки, в которых выражается проблема казачества, вольности и свободы. Так, история показана с помощью контраста прошлого (удалые казаки) и настоящего (порочное дворянство), изображения народных, национально-исторических и социальных характеров.

Особое внимание Гоголь уделяет казакам, рисуя их мужественными, патриотичными и вольными. В некоторых повестях фигурируют реальные

исторические личности: Екатерина II («Майская ночь», «Ночь перед Рождеством») и Потемкин («Ночь перед Рождеством»). С их образами связана проблема казачества, и от их решений зависит дальнейшая судьба казаков. Каждая повесть цикла имеет определенное историческое время, Гоголь пишет и о проблемах прошлого Украины, и о современности. Примечательна в этом плане повесть «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка», которая содержит в себе наибольшее количество реалистических черт. Здесь Гоголь затрагивает проблему дворянства и крестьянства, раскрывает проблемы морали, духовности.

Изучив литературу по интересующей нас теме, выявив, проанализировав и обобщив черты романтизма и реализма в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», можем сделать вывод о том, что в гоголевском сборнике преобладающими чертами являются романтические, реалистические элементы выражены в меньшей мере. Наметившиеся реалистические тенденции в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» были использованы и развиты в последующих произведениях писателя, в связи с этим можно говорить уже об эволюции Гоголя-реалиста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы / Е.И. Анненкова. – М.: Прометей, 1989. – 178 с.
2. Анненкова Е.И. Православие в историко-культурной концепции А.С.Хомякова и в творческом сознании Н.В.Гоголя / Е.И. Анненкова // Вопросы литературы. Выпуск № 8. – 1991. – С. 89-105.
3. Белый А. Мастерство Гоголя / А. Белый. – М.: МАЛП, 1996. – 416 с.
4. Ветловская В.Е. Творчество Гоголя сквозь призму проблемы народности / В.Е. Ветловская // Русская литература. Выпуск № 2. – 2011. – С. 3-24.
5. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 2009. – 388 с.
6. Виноградов И.А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания / М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 426 с.
7. Воропаев В.А. Монастырь ваш Россия! // Гоголь Н. В. Духовная проза / В. Воропаев. – Москва: Русская книга, 1992. – 254 с.
8. Воропаев В.А. Николай Гоголь: опыт духовной биографии: (к 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя) / В. Воропаев // Литературная учеба. Выпуск № 1. – 2002. – С. 118 -179.
9. Воропаев В.А. Под защитой угодника Божия: Диканьский образ Святителя Николая Чудотворца и его значение в жизни Гоголя / В. А. Воропаев // Лит. Россия. Выпуск №43. – 2003. – 10 с.
10. Гаджиева Л.И. Исторические реалии и судьбы казачества в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.

- Гоголя / Л.И. Гаджиева // Серия социально-гуманитарные науки. Выпуск № 7, Вестник ЮУрГУ, №17 (72). – 2006. – С. 183-185.
11. Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / В. Гиппиус. – Спб.: Logos, 1994. – С. 9-188.
12. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки: повести / Николай Гоголь. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с.
13. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3 / Н.В. Гоголь. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 2112 с.
14. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959. – 532 с.
15. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.
16. Денисов В. Изображение казачества в раннем творчестве Гоголя и его «Взгляд на состояние «Малороссии» / В. Денисов // Гоголеведческие студии. Выпуск № 5, М.: НЕЖИН, 2000. – С. 203-208.
17. Заманова И.Ф. Композиционные основы художественного мира раннего сборника Н.В. Гоголя Вечера на хуторе близ Диканьки / И.Ф. Заманова. Наука-Искусство-Культура Выпуск № 1. – 2012. – 6 с.
18. Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. – 368 с.
19. Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти / А.И. Иваницкий. – М.: РГГУ, 2000. – 93 с.
20. Иваницкий А.И. Логика тропа и сюжета Гоголя / А.И. Иваницкий // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. Выпуск №4. – 1989. – С. 16-26.
21. Котляревский Н.А. Николай Васильевич Гоголь. 1929-1842. Очерк из истории русской повести и драмы / Н.А. Котляревский // Центр гуманистических инициатив. – М.: 2015. – 30 с.

22. Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя / В.Ш. Кривонос. – Спб.: РГПУ им А.И. Герцена, 1999. – 251 с.
23. Кривонос В.Ш. Самопародия у Гоголя / В.Ш. Кривонос // Изв. РАН. Серия лит. и яз. Выпуск №1. – 1993. – С. 25-34.
24. Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5) / Ю. М. Лотман. Тарту, 1974. – С. 131-133.
25. Лотман Ю.М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя / Ю.М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. Тарту, Выпуск № 251. – 1970. – С. 17-45.
26. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
27. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
28. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю.В. Манн. – М.: Coda, 1996. – 413 с.
29. Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809-1835 годы / Ю.В. Манн. – Москва: РГГУ, 2012. – 510 с.
30. Манн Ю.В., Самородницкая, Е.И. «Гоголь в школе» / Ю.В. Манн, Е.И. Самородницкая. – М.: ВАКО, 2007. – 368 с.
31. Мережковский Д.С. Гоголь и черт / Д.С. Мережковский. – М.: Книжный клуб Книговек, 2010. – 284 с.
32. Мочульский К. Духовный путь Гоголя / К. Мочульский. – Париж: YMCA-PRESS, 1934. – 150 с.
33. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

34. Пospelов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя / Г.Н. Пospelов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 280 с.
35. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Художественная литература / А.С. Пушкин. – М.: Эксмо, 2017. – 384 с.
36. Розов В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII XVIII в. и юношеские повести Н.В.Гоголя // Памяти Н.В.Гоголя. / В.А. Розов. – Киев, 1911. – 99-169 с.
37. Софронова Л.А. Старинный украинский театр / Л.А. Софронова. – М.: РОССПЭН, 1996. – 329 с.
38. Степанов Н.Л. Гоголь Н.В. // История русской литературы в 10 т. Т. 1 / Н.Л. Степанов. М.: Наука, 1955. – 140 с.
39. Флоровский Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. Вильнюс, 1991. – 20 с.
40. Франк С.Л. Религиозное сознание Гоголя / С.Л. Франк // Русское мировоззрение. Спб.: Наука, 1996. – 596 с.
41. Фролова А.Г. Социально-историческое и общечеловеческое в героях Н. В. Гоголя / А.Г. Фролова // Молодой ученый. Выпуск № 1. – 2017. – С. 556-559.
42. Шахмагонов М.Ф. Храни Господь Потемкина / Н.Ф. Шахмагонов. М.: Радуга, 1991. – 192 с.
43. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя / В.И. Шенрок. – М.: Эксмо, 2012. – 418 с.